

Оглавление

Пролог.....	9
Рынок.....	15
Два крыла на двоих	27
Чижик	44
Железный Город	79
Заброшенный храм.....	103
Неумирающая армия.....	122
Там, где пахнет дымом.....	147
Как приручаются страхи	170
Шакалий сын.....	183
Вниз, вниз.....	204
Груши в карамели	227
Дом Солнца	254
Последний жрец	278
Я обещаю.....	302
Шестьдесят долгих дней	328
Ваза	358
Бесконечная Башня	381
Мое небо	402
Самая яркая искра.....	452
Эпилог.....	489

Берегите(сь) своих чудовищ.

Пролог

Девочка с волосами цвета пшена, в коротком синем платье, свесилась за борт. Она так хотела дотянуться, понять, что же там такое и почему большие люди в жилетках и высоких ботинках забегали взад-вперед, выкрикивая непонятные слова. Но отец зачем-то схватил ее и оттащил подальше. Он нахмурил белесые брови, в которых прятались солнечные крошки, а взгляд его все равно остался добрым. Глаза чуть блестели.

— Ты не смотри, — сказал он, опустившись перед ней на колени, — что океан под нами. Он далеко. Очень и очень далеко. Свалишься — и не найду тебя, — он вздохнул, разом уменьшился и заключил дочь в объятия, мягкие и пахнущие пряностями и потом.

Тогда она впервые задумалась, что же за зверь такой — океан. Может, это он иногда проплывал далеко вниз, под днищем корабля, — синий, поющий, длинный-длинный, с маленькими плавниками-крыльями по бокам?

Девочка попыталась тоже выглядеть грозно: как и отец, нахмурилась, для убедительности уткнула кулаки в бока и топнула каблуком. Но признаться, что не знает значения слова, не смогла — и просто зарылась носом в отцовский ворот, а руки перекинула через его плечи. Ей почти исполнилось пять. Она уже повидала не один летающий остров, побывала не на одном воздушном судне. Она знала, что

такое «рангоут», «такелаж» и другие непонятные обозначения палок и веревок. Но не могла и предположить, кто же он такой — Океан.

— Я его поймаю! — решительно заявила девочка и собрала русые волосы в хвост: так ветру было сложнее их подхватить и хлестнуть ее по замерзшему лицу.

— Кого? — не понял отец, а потом вдруг засмеялся и хлопнул себя ладонью по лбу, словно догадавшись.

Ямочка на его правой щеке плавно переходила в шрам и, когда он радовался, превращалась в складку, тянущуюся к глазу. Про себя девочка звала ее папиной длинной улыбкой и боялась — немножко.

— Океан! — почти выкрикнула она, явно обидевшись, что ее снова не воспринимают всерьез. — Я поймаю! Ты что, совсем мне не веришь?

— Асин.

Отец опустился рядом на одно колено, и Асин заметила морщинки-лапки в уголках его карих глаз. Она протянула руки, коснулась их, а затем подняла брови папы, чтобы он не хмурился. Ведь она не говорила ничего глупого.

— Ты все больше напоминаешь мать. — Он накрутил на палец одну из обрамляющих ее лицо прядей, которые выбились из хвоста. — Она тоже была мечтательницей, постоянно куда-то... даже не бежала — летела. А потом...

О том, что стало с мамой, никогда не говорили. Хотя Асин казалось, все знали. Знали и скрывали от нее. Даже эти матросы, которых она видела впервые, — были в курсе. У взрослых постоянно были какие-то секреты. Только ей они ничегошеньки не рассказывали.

Но в тот день папа произнес фразу, которая расставила все на свои места.

«А потом она услышала горькую песню без слов. И ей, такой храброй — она ничего не боялась — Аси, стало невыносимо страшно. Она не могла найти себе место, постоянно ввалась

к тебе и извинялась. Тогда я не понимал — почему. А потом она поймала океан. И не вернулась».

Слышать это было немного больно.

Маму Асин почти не помнила. От нее остались осколки — грустная улыбка, тяжелые каштановые волосы, похожие на небо глаза. А еще ее всегда не хватало. Особенно остро — когда Асин видела полные семьи. Те, в которых был кто-то, кроме отца.

Папу Асин любила. И если бы он просто попросил ее никогда не думать об океане, она бы не думала. Но он поступил иначе. Хитрее. Настолько, что само это слово стало пугать. Ведь океан, который отец в тот день показал одним взмахом руки, забрал маму. И даже не спросил разрешения. А так, об этом маленькая Асин прекрасно знала, делать нельзя.

— Ты ведь не покинешь меня? — Отец поймал ее маленькие ладошки, коснулся их губами. Только смотрел почему-то не на Асин, а будто сквозь нее.

— Никогда, — ответила Асин и часто-часто замотала головой.

Она поняла: тот, кто ловит океан, делает любящих его людей несчастными. Бросает их, уходит, унося с собой что-то очень важное. Асин не знала, что именно, но без этого жизнь становится какой-то безвкусной, пресной, как омлет, если убрать из него травы и маленькие красные кубики. Папа пробовал так делать, и Асин сердилась. Правда, потом ей объяснили, что еда не появляется сама по себе и добывать ее, особенно когда ты один, порой очень сложно. С тех пор Асин старалась помогать — таскала воду в маленьких ведрышках, мыла тарелки и ковыряла лопатой жесткую землю. Отчасти потому, что так на столе появлялся самый вкусный омлет, но в основном потому, что так папа чаще улыбался.

Видимо, это правило работало всегда и со всем. Чем сильнее стараешься, чем больше вкладываешь сил, тем лучше как тебе, так и окружающим.

А еще кроме Асин у папы никого не было. Он совсем завянет, если останется один. Да и кто тогда напомнит ему, где он оставил

ленту? Или сколько фруктов нужно класть на хлеб, чтобы они не сваливались с края? Поэтому Асин решила больше никогда не тянуться к океану и выбрала для себя кое-что другое. Такое же далекое, синее и шумное.

Небо.

Асин давно хотела туда, к птицам. И крылья, настоящие, с перьями. А еще чтобы папа, этот большой человек с волосами, похожими на ворох соломы, никогда не грустил. Ведь сверху на Первый — огромный летающий остров, где уютился носящий такое же имя город, — куда проще вернуться. Приземлиться на торговую площадь, ударить подошвами о белые камни, расправить плечи и гордо задрать голову. Правда, раньше крылатая Асин из ее фантазий мечтала устремиться вниз и с размаху удариться о воду, подныв в воздух переливающиеся на солнце брызги.

Оказалось, внизу страшно оставаться одному. И ждать, когда тебя накроет тень летающего судна, откуда спустится длинная веревочная лестница. Это чуть позже объяснит отец, в очередной раз напомнив, что океан опасен. Что он огромен. И неизвестно, кто водится в его глубинах. Многие смельчаки спускали лодки на воду, и если одни возвращались с уловом, то других, как и их суденышки, не видел больше никто.

— Не грусти. — Отец резко схватил Асин за нос и дунул на длинную, растрепавшуюся челку. — Хочешь, дам выбрать из мешка любую блестяшку?

— Любую?

Асин ненадолго задумалась. Она уже рылась в товарах, которые вез на Второй папа, чтобы продать в щедрые руки или отдать — в хорошие. В мешке, одна на другой, лежали безделушки: и украшения на шею и руки, и колокольчики на палках, и гладкие холодные птицы с дырявыми головами (из них то ли наливали, то ли насыпали что-то). Там, в глубине, под деревянной шкатулкой с поцарапанной крышкой и большими стеклянными шарами, рядом с тетрадью в толстой кожаной обложке лежали слипшиеся

деревянные рыбки с яркими плавниками — отец делал и красил их сам. А рядом с ними — собранная из часовых механизмов птаха, небольшая — легко на ладонь ложилась, — красивая и, как казалось Асин, очень грустная. Вспомнив о птице, Асин приняла решение.

Птица томила в своей холщовой клетке, лежала на боку и молчала. А когда Асин нашла ее среди остальных, как говорил папа, блестяшек и спрятала в нагрудный карман платья, расшитый белым кружевом, та задорно щелкнула. Довольная подарком, Асин понеслась обратно к папе и, встав рядом, принялась гладить спящую птицу. Отец лишь усмехнулся. Видимо, догадывался, что Асин хотела выбрать другое. Вытянутое, с пестрой сине-серой спиной. Совсем как...

— КИТЫ!

Возглас разрезал воздух, больно ударил по ушам. Асин заметила огромную фигуру, которая плыла — нет, летела, лениво помогая себе двумя вытянутыми плавниками, — за бортом. Асин вскрикнула, схватилась одной рукой за папу, а другой — за карман, где лежала беззащитная птичка: крохе наверняка было страшно, ведь раньше она не видела ничего, кроме своего мешка. Асин не могла оторвать взгляд от плавно движущегося силуэта. Она убирала от замерзшего лица волосы, глубоко вдыхала холодный воздух, и ей чудилось, будто она вот-вот упадет — плюхнется на палубу и больно ушибет попу. Кит, окутанный приятным мягким светом, плыл вверх, к облакам. А за ним показался еще один — чуть больше и медлительнее. Воздух наполнился чарующей песней, которую Асин впервые слышала так близко. И в этот момент судно трянуло.

— Все хорошо, пенчик.

Прозвище, которым звал ее отец, успокаивало. А вот то, что он, сжав почти до боли бледную ладошку, тянул Асин подальше, чтобы она не видела происходящее, а происходящее не видело ее, — наоборот. Она попыталась заговорить с папой — и не услышала собственный голос за множеством чужих, взрослых. Вокруг

суетились люди. Асин ничего не понимала, пока кто-то не стащил потрепанную ткань с огромного железного устройства, похожего на длинную трубу на толстой ноге.

— Что это? — Асин дернула отца за рукав и уперлась пятками в дощатый пол.

Но ей никто не ответил. А затем посыпались резкие рваные слова, которые застревали у Асин в голове и били там в барабаны. «Гарпунная пушка», «стреляй» и «другой давай». «Мы перевернемся, урод», «ниже, ниже» и «в сердце бей».

Асин закричала. Она толкнула отца в бок, попыталась вырваться. Быть может, до этого дня она не знала ничего об океане, зато прекрасно понимала, что значит «стреляй».

— Асин!

Но отец не собирался ждать, когда она перестанет сопротивляться. Он подхватил ее на руки, прижал к груди и унес. Туда, где можно было закрыть ладонями уши, крепко зажмуриться, свернуться клубком и все равно слышать, как поют эти большие прекрасные создания.

Поят, даже когда им страшно.

РЫНОК

Говорили, что раньше члены одной семьи носили общее имя на всех. И эта незначительная деталь невидимой нитью связывала порой несколько десятков людей.

Теперь всё иначе, каждому — свое имя. Но Первый — весь этот огромный парящий над водой остров — годами жил как большая семья. Здесь люди знали друг друга в лицо и добродушно улыбались при встрече.

Первое имя — данное при рождении — оставалось лишь набором букв, зато второе — полученное в сознательном возрасте — несло в себе смысл. Его могло и не быть вовсе, тогда человек довольствовался одним-единственным именем. Это не делало человека пустым, никак нет, по крайней мере, о таком не говорили вслух. Второе имя Джехайи, папы, было *Каррэ* — «кочевник». А ее второе имя звучало как *Ханна* — «перо». Первое же...

— Асин!

Она подняла голову и вытащила изо рта длинный золотистый колосок, прилипший к губам. Волосы после недолгой дремы свалились и теперь топорщились. Асин попыталась наспех примять их ладонью, но без толку. Пряди кололи кожу, а каждое прикосновение делало их скорее похожими на гнездо, свитое птицами.

— Не сплю! — отозвалась она, но слова тянулись, загустевали, засахаривались. Раз за разом Асин моргала, зажмуриваясь и резко, до ярких пятен, распахивая глаза, а затем зевала, некрасиво закрывая рот кулаком.

— Сколько просить можно? — измученно выдохнул папа, прервавший работу на грядках. Он оттирал ладони старой сероватой тряпкой, но черные пятна, хоть и бледнели, отказывались исчезать полностью. Как ни ругался он, как ни пинал валявшиеся у ног комки земли, это не помогало. — Давно бы сбегала уже и спала бы дальше.

Зависшее над редким лесом солнце роняло свой холодный свет. Толстая полоса вспаханного поля казалась Асин волнами. Поднявшись со стога сена и потянувшись — для этого она раскинула руки и слегка прогнулась в спине, — Асин побежала к дому по разбитым комьям грязи, по хрустящей, некогда зеленой траве. Туфли со стоптанными пятками то и дело пытались соскочить. Асин, ойкая, останавливалась, поддевала их указательным пальцем и возвращала на место. Выменять бы у торговцев пару зеленых лент, таких, чтоб не выцветали, и приделать к обуви. Только воевать с игой и ниткой снова придется папе.

Не сказать, что Асин совсем не умела шить, но выходило у нее скверно. Хуже получалось только готовить. Папа и не настаивал: сам варил кашу и томил в горшках мясо; сам латал в детстве доченькины платица, а как она стала постарше — форму. Точнее, то, что она гордо звала этим словом — полосатые штаны с лентами по бокам и слишком широкую рубаху. Папа звал этот наряд иначе — «не форма, а что попало». И она не обижалась.

— Птенчик! — возмутился он и, зажмурившись, потер ладонью лицо, а затем потрянул рукой, будто смахивая под ноги свое недовольство. Нет, вот оно, на месте — спряталось в сдвинутых бровях и поджатых губах. — Видимо, нет у меня больше занятий, кроме как скотину с поля гнать и тебя. — Он хлопнул по лоснящемуся боку стоящую в стойле урр. Та в ответ недовольно фыркнула.

Раньше — об этом Асин читала в изъеденных временем книгах — скотина была другой. Вместо приземистых урр, с массивным телом, плоской мордой и ушами, похожими на свернутые лепешки, люди приручали лошадей и коров. Старушка Уна, мясистая, крепкая, давала жирное молоко и помогала, пусть и неторопливо, папе отвозить товары на Рынок — именно с большой буквы — Первого, попутно отгоняя назойливых мух хвостом с черной кисточкой. Асин впервые увидела Уну, когда та была еще совсем маленькой. Папа принес ее, держа под передние ноги с черными копытцами, помотал из стороны в сторону и поставил на траву. Больше всего Асин интересовало тогда, не станут ли они ее есть, ведь она — друг. А разве друзей едят? Позже Асин узнала: едят. Но папа пообещал не трогать Уну — и та вскоре стала полноценным членом семьи.

Следом за ней появились собаки, Пите и Джеко, а позже — кот. Он пришел сам, вылакал все молоко и по-хозяйски улегся на крыльце. Папа решил не прогонять его: пускай мышей ловит. Но кот был ленивым, жирным, на любую фразу отвечал односложным «ме» и, чуть что, отправлялся спать в самый теплый угол. Асин даже не заметила, когда он пропал. Может, нашел где-то миску побольше и крыльцо пошире, а может, попросту угодил в аномалию. О них, затаившихся в лесах, людей предупреждали косые деревянные таблички. Вот только коты, к сожалению, совсем не умеют читать.

— Половину хлебушка, — Асин отогнула указательный палец и призадумалась. — И добротный такой кусок сыра к нему.

Папа заботливо вытаскивал из ее волос солому, чистил бледно-зеленое, цвета кувшинок, платье от грязи и ворчал — тихонько, но беззлобно, как ворчат все родители, пытающиеся научить любимого ребенка думать головой, а не тем местом, которое обычно просиживают. Он разглаживал складки и поправлял рукава, и ткань под его ладонями задорно хлопала. А солнце ласково целовало Асин в макушку.

— И не задерживайся, — попросил папа и улыбнулся той самой длинной улыбкой, пугавшей ее в детстве. Он всячески старался не показывать волнения, но малейшие жесты — например, то, как он брал в ладони лицо Асин и подолгу рассматривал, — выдавали его.

— Я скоро. — Она смущенно опустила глаза, решив не напоминать папе, что она уже взрослая, прошла подготовку, а завтра впервые полетит к ближайшим островам, оторванным от Первого, на одном из торговых судов.

Они жили без мамы, вдвоем, уже очень давно. Асин только училась быть взрослой, а папа всячески ей в этом помогал. Порой ей даже казалось, будто так правильно — когда есть только папа. К тому же в их доме ничего не напоминало о том, что когда-то здесь жил третий человек. Да и сама Асин — светловолосая и нескладная — была папиной копией. И очень этим гордилась.

О маме остались истории — множество самых разных. Слушать их — почти как читать книги: приключенческие, романтические, трагичные. Папа любил говорить о ее необычности и красоте, для него мама была самой-самой, а второе место по «самости» занимала Асин, которая в глубине души бесконечно этому радовалась. Папины друзья вечно вспоминали, как мама готовила, будто хотела попробовать все блюда парящего мира. А соседи... порой словно сочувствовали, рассказывая то о безрассудных поступках — например, как однажды, еще в детстве, мама сосредоточенно пыталась вбить в руку гвоздь, — то о том, что она постарела на жизнь после рождения Асин. Конечно, папа посмеивался и советовал не верить, ведь мама, по его мнению, была красивой — «Но не такой красивой, как ты, птен», — тут же добавлял он. Асин и сама думала: и как могла существовать эта странная женщина из рассказов соседей?

Стоило только подойти к калитке и разок скрипнуть ею, как тут же оживились собаки. Сухопарые, долгоногие, они били себя хвостами, заливались радостным лаем и кружили рядом с Асин, явно умоляя, чтобы она взяла их с собой. Но она лишь потрепала их по холкам, почесала за ушами и жестом приказала сесть. Почти

одновременно псы плюхнулись на землю и вывалили розовые языки. Асин, прижав указательный палец к губам, закрыла калитку и набросила на нее веревку.

К Рынку вела длинная извилистая дорога с редкими буграми камней и топорщившейся по краям травой. Мимо проплывали участки — огороженные низеньким частоколом или не огороженные совсем. Люди Первого не привыкли бояться и прятаться. Редко когда дома, даже красивые двухэтажные великаны с хитро прищуренными верхними окнами и резными наличниками, запирались на ключ.

Давно — тогда Асин еще не было — людям выделяли участки проверенные: чтобы никого потом не ждал подарок в виде аномалии в подвале или за ягодным кустом. Аномалий на Первом хватало: как безобидных, просто создающих иллюзии или хранящих в себе отпечатки образов, так и тех, где пропадали люди и разлетались в щепки телеги. Позже оказалось, что большая часть острова безопасна. Диким был лишь север, который со временем стал обрастать лесом и легендами. Маленькая Асин их очень любила, но, повзрослев, стала стесняться подобных разговоров и старалась побыстрее от них сбежать.

По левую руку, у низенького домишки с деревянной крышей и ставнями, которыми любил скрипеть ветер, из рыхлой земли поднимали головки цветы. Совсем скоро у них набухнут бутоны, и добрая сморщенная хозяйка, схватив кривенькую тележку со слишком уж большими колесами, повезет их на Рынок, чтобы продать или обменять. Красивое там тоже ценилось. Хоть и чуть меньше, чем полезное.

В мешочке на поясе задорно позвякивали монетки. Уловив ритм, Асин запела и широко раскинула руки. Она словно хотела обнять весь мир, но он был слишком большим. В груди щекотало волнение, и Асин постоянно казалось, будто она забыла что-то важное. Она застыла, несколько раз повторила про себя время и место, дернула за невидимые рычаги, глубоко вдохнула, закрыла

глаза и шагнула вперед. В голову тут же врезался жук, стукнулся об лоб и по кривой полетел к заросшему высокой травой полю по правую от Асин руку. Она потерла ушибленное место и осмотрела подушечки пальцев.

Наконец Асин ступила на широкую каменную дорожку.

Рынок Первого с детства казался ей отдельным городом. Здесь все выглядело иначе: никаких размашистых участков, вместо них тесно жались друг к другу белые домики с синими крышами, будто одинаковые, но все-таки непохожие. В разные части Рынка вели лестницы; по самой широкой можно было попасть прямо-ком на причал — вот уж где продавалось все интересное. Дороги, ровные и совсем не пыльные, были выложены камнем, и по нему каблучки туфелек Асин выстукивали свою бодрую мелодию, пока она пружинящим шагом шла мимо булочной — широкого здания с полукруглой крышей и двумя балконами.

Из окошка выглянула тучная женщина. Она помахала Асин, спросила, как поживает ее отец, и предложила заглянуть к ней и взять хлебушка — свежего, еще горячего и очень мягкого. Конечно же, Асин собиралась зайти к ней попозже, посмотреть на товар, а может, и забраться наверх, на один из балконов, где так здорово ловить ветер и оглядывать все вокруг. Асин пожелала тетушке Оре хорошего и интересного дня, уворачиваясь от спешащих прохожих и стараясь не попасть под колеса очередной телеги, медленно катившейся за невысокий каменный забор, которым был огорожен Рынок.

По широкой белой лестнице Асин спускалась медленно. Про себя она считала количество ступеней до пролета и представляла, как было бы здорово вспомнить детство и прыгнуть на него, стараясь приземлиться ровно в центр. Раньше она постоянно так делала, а папа помогал, удерживая ее за обе руки и поднимая высоко-высоко.

По обе стороны на небольших квадратных постаментах стояли чаши с цветами. Зелени здесь было не то чтобы много — почти всю

ее вытеснил камень. Но кое-где, у некоторых домов, раскинулись красивые сады, а по дороге то и дело попадались кадки с деревцами. Их кроны были квадратными, треугольными, но чаще отчего-то — круглыми. Они плодоносили, и дети порой забирались по прямым стволам, чтобы стащить фрукты. Мальчишки набивали ими карманы, а девочки — складывали в юбки.

Впереди уже показался причал с единственным судном, которое лениво покачивалось в воздухе и поскрипывало — видимо, от одиночества. Асин прищурилась, посмотрела на мачты со спущенными парусами, на явно написанное от руки название, тянущееся белыми буквами по борту, и прыгнула с последней ступени.

«Ашенвер». «Надежда».

На этом судне завтра и отправится в свое первое воздушное плавание Асин. С него, расправив крылья, прыгнет вниз, в ледяные объятия ветра. И наконец почувствует себя по-настоящему взрослой — после стольких лет обучения.

Она повернула голову направо и увидела огромное, глядящее на причал десятками окон белое здание с небесного цвета куполом. Именно там Асин сидела за длинным столом, ерзала и пыталась достать своими маленькими ногами до пола, в то время как от нее требовали не менее десятка раз написать одну и ту же букву и извиниться за свое поведение. И все-таки она была благодарна единственному на Первом училищу. Ведь оно открыло ей путь к мечте. И почти подарило крылья.

— Эй, Ханна! — раздалось рядом, и Асин не сразу поняла, что обращаются к ней.

Второе имя она получила недавно. Его Асин подарил директор, когда вручал две бумажки, дающие право на небо, — об окончании обучения и о прохождении специальной подготовки. Он сказал, что она легкая, точно перо, — и это, безусловно, было хорошо. И, как перо, ведомая, летящая туда, куда подует ветер, — на что она чуть не обиделась. Второе имя никогда не дарил родной человек — ведь

лишь тот, кто видит со стороны, может судить непредвзято и быть искренним. Или оскорбить — и так, что не отмоешься.

— Что стоишь с открытым ртом, булка? — Ей на голову опустилась широкая ладонь с длинными, похожими на паучьи лапы, пальцами и растрепала и без того торчащие в разные стороны волосы.

Лишь один человек считал, что слово «булка» описывает Асин куда ярче второго имени. И каждый раз, когда оно звучало упавшим в воду камнем, она хмурилась, но не слишком злилась. Вот и сейчас — только сдвинула брови и сжала губы.

— Я не стою. — Асин надулась и попыталась сжаться, стать менее заметной, только бы ее побыстрее оставили наедине с мечтами о завтрашнем дне.

Но чуда не случилось. Вместо этого ее бесцеремонно обхватили рукой за шею и резким движением прижали к груди, тощей и впалой. Асин зачем-то ощупала ее пальцами и услышала в ответ довольный смешок.

— Тебе совсем нечего делать? — спросила она и тут же почувствовала макушкой теплое дыхание.

Он был высоким, выше нее на голову, с криво обстриженными волосами цвета красной глины, усталыми темными глазами и бледными щеками, по которым рассыпались, как крупа из мешка, веснушки. «Его любит солнце», — иногда мечтательно говорили о нем девушки. «Хоть кто-то его любит», — думала про себя Асин. А еще у него было длинное пустое имя, которое она не встречала даже на страницах любимых древних книг.

Вальдекриз.

Оно казалось Асин настолько чуждым этому миру, что первые месяцы обучения она называла его просто «ты». И поначалу думала, что этот юноша в драных штанах и рубашке с оторванными рукавами не сильно старше нее. Хотя тогда разница даже в пять лет казалась ей пропастью, сейчас же — расселиной, которую вполне можно преодолеть. Но и это не помогло ей проявить хоть

каплю уважения, которому учил папа, и обратиться к Вальдекризу, как подобало обращаться к человеку взрослому и уже крылатому. Однако сейчас, спустя десять лет, Асин больше всего удивляло одно: он ни капли не изменился. Возраст Вальдекриза не отражался ни на его лице, ни на руках. Вечный юноша, который был куда старше, чем казался.

— Да вот, тебя увидел. — Он подцепил прядь ее волос и стал задумчиво перебирать пальцами.

Они застыли в самом низу лестницы. Проходившие мимо люди огибали их, как кадки с цветами, лавки и фонарные столбы. Лишь изредка на них оборачивались, укоризненно качали головами. Но отчего-то стало так неловко, что Асин, чувствуя, как алеют щеки, закатила глаза и стиснула зубы.

Неподалеку на ступенях сидели две девчушки. Они делали друг другу бусы из сладостей, смеялись над чем-то своим — и не было им никакого дела до того, что вокруг развернулся дорогим ковром мир взрослых. Вальдекриз обернулся в их сторону. Вытянутые серьги из зеленого камня качнулись, поймали луч солнца и ярко засияли. Асин вновь обратила на них внимание. И вновь отшвырнула подальше зудящее любопытство.

— А у тебя такого не было? — почему-то спросил он и кивнул на девочек.

На вид им было лет по двенадцать, обе смуглые, темноволосые. Явно прилетели со Второго и будто желали походить друг на друга.

— О чем ты? — не поняла Асин.

— Подруг. — Вальдекриз щелкнул по одной из сережек.

— Были, — без колебаний соврала Асин, и уши ее мгновенно вспыхнули.

Нет, конечно, она общалась с другими детьми, пока училась читать и писать. Занималась вместе с кем-то, когда предметы стали сложнее. Но так и не смогла вырваться за пределы разговоров в длинных широких коридорах с колоннами и сводчатыми потолками. Ей больше нравилось бегать с собаками у себя на участке,

смотреть, как папа собирает из купленных с рук деталей безделушки, и читать.

— Я часто видел тебя на подоконнике с книгой, — заговорил Вальдекриз после недолгой паузы. — Дочь Кочевника Ханна. Ты всегда так ловко умещалась в каменные арки, — он усмехнулся, — задрав ноги до головы. Ты правда думала, что тебя никто не видит?

— Там было удобно, — бросила Асин и принялась поправлять юбку, будто это сейчас она полулежит, свернувшись подковой, с очередной историей на животе и кульком почти не грызущихся сухарей рядом.

И все равно она звала это дружбой — когда подсаживаешься к человеку с новой, только что дочитанной книгой, делишься свежим мягким хлебом и впечатлениями, а он слушает и в ответ делится чем-то сам. Даже если спустя день разговор забудется, а человек будет точно так же болтать с другими.

— Булка-булка. — Вальдекриз опустил голову. Длинные волосы занавесили его лицо, но не смогли скрыть эту гаденькую ухмылку.

Он пошел вперед, к вытянутым каменным мосткам причалов, увлекая Асин за собой. Он приобнимал ее за плечо, сжимая пальцами белый сбористый рукав-фонарь ее нижнего платья и иногда слегка его поглаживая. Асин лишь растерянно озиралась в поисках поддержки, но не находила ее. Все выглядело слишком естественно. Он размашисто шагал, задрав подбородок, в ушах его покачивались зеленые серьги, на руке позвякивали браслеты с десятком алых, темнее его волос, камней. В ярком свете, который заливал утренний Рынок, камни эти блестели застывшей на листве росой. Или каплями крови. Асин же шла, растерянно прижав руки к груди, и чем ближе была «Аашенвер», тем сильнее потели ее ладони и холодели колени.

— А вообще, я к тебе по делу, — сказал Вальдекриз. Видимо, вспомнил, что она все еще рядом. — Ты же понимаешь, что первое время, пока ты не научишься — а ты не научишься еще очень и очень долго, маленькая ты булка, — за тобой обязан

приглядывать старший? Только позже ты сможешь выбрать себе в напарники кого угодно, когда окончательно оперишься.

— Конечно же. — Про себя она стала гадать, кто же возьмет ее под крыло в самом что ни на есть прямом смысле, и даже забыла возмутиться.

— Интересно, кого поставили тебе в пару? — Вальдекриз остановился и пропустил ее вперед. Но Асин не смогла сделать больше ни шага.

Дыхание сбилось, руки крупно задрожали. Асин обернулась, но Вальдекриз не смотрел на нее. Его привлекал океан. Бескрайний, темно-синий, переходящий у горизонта в чистое голубое небо. Он говорил голосами рыб и птиц, слепил блеском, а иногда негодуя шумел.

Почувствовав прикосновение к своей ладони, Асин вздрогнула. Будь она чуть посмелее, отстранилась бы, убежала и до следующего дня оставалась бы в счастливом неведении. Но вместо этого под стук сердца в висках и в горле Асин смотрела, как Вальдекриз поднимает ее правую руку и с изяществом танцора отводит в сторону наподобие крыла.

— Меня, Ханна, — усмехнулся он, склонившись к ее уху. — Меня. Сказать по правде, я вызвался сам.

— Почему? — спросила Асин и даже не поняла, как сильно взлетел ее голос.

— Может, потому что ты мне нравишься, булка. — Вальдекриз говорил мягко, но каждое слово гвоздем вбивалось в ее голову. — А может, потому что мне попросту стало скучно.

Они знали друг друга давно, с ее первого дня обучения. Когда девятилетняя Асин влетела в толпу высоченных мальчишек с тяжелыми ранцами за плечами; гордо вскинув руку, выпалила: «А можно...» и растерялась. Тогда Вальдекриз опустил рядом на одно колено, взгляделся в ее глаза и долго пытался выяснить, что же значило это «можно». Вдоволь насмеявшись, он спросил: «А как тебя зовут-то, булка?» и ущипнул Асин за щеку.

С тех пор они иногда сталкивались, совершенно случайно, в переплетающихся коридорах училища. И если Вальдекриз шел в компании тех, кто хоть как-то его терпел, он приобнимал Асин за плечи, шутливо называл булкой и непременно выдавал какую-нибудь глупость. А если рядом не было никого, то мог просто подмигнуть — и это почему-то мгновенно выбивало из равновесия, Асин могла даже споткнуться. Каждое появление Вальдекриза напоминало бахнувшую рядом с ухом хлопушку: пугало, заставляло нервничать, а еще после него Асин долго приглаживала волосы, будто те ежиными колючками торчали в разные стороны. Радовало одно: виделись они редко.

Не было на Первом человека, о котором Асин знала бы меньше, чем о нем. Вальдекриз удивительным образом сочетал в себе умение держаться особняком и помогать при необходимости. При этом, когда Асин обращалась к нему, она чувствовала себя неправильной, будто делала что-то нехорошее. Так вышло и сейчас: он сам вызвался помочь, а ее оплел липкий страх. Она почувствовала себя абсолютно беззащитной.

— Считай, тебе повезло, Ханна...

Его голос утонул в криках чаек, в пульсации сердца. Ноги Асин подкашивались, все тело превратилось в желе — мерзкое, колышущееся на ветру. Асин смотрела в синие глаза раскинувшегося перед ней недружелюбного, но такого спокойного океана. И сильнее всего хотела оказаться подальше от него.

Два крыла на двоих

Ранним утром, когда в цветах и высокой траве еще путались пушистые клочья тумана, папа уже приготовил завтрак и стучал тарелками по деревянному столу. Скребли когтями о дверь собаки — просились на улицу побегать, покататься по росе, а может, подгоняя друг друга лаем, отправиться наперегонки в лес, чтобы вернуться счастливыми и очень грязными. Папа открыл им, и в дом проникла приятная прохлада. Легкий ветерок принес в комнату Асин запах запеченных яиц и подогретых лепешек. Он приятно защекотал ноздри, и она, еще не открывая глаз, села на кровати, потянулась и почесала лохматую голову.

Белое ночное платье с легкой пеной кружев шуршало при каждом шаге. Босые ноги шлепали по холодному полу. Асин схватила со стула белую шаль, похожую на крылья бабочки, — ее привез со Второго, острова-брата, папа — и накинула на плечи. Она не грела, но в нее так приятно было кутаться.

— Проснулась, птен? — Папа улыбнулся и поскреб деревянной лопаткой чугунную сковороду, пытаясь отодрать от поверхности яйцо и не повредить круглый желток. — Как себя чувствуешь?

Плюхнувшись за стол, Асин подняла плечи, прижала к щекам рельефную вышивку, вытянула ноги и зажмурилась. Она услышала, как опустилась рядом кружка молока, как потянуло жаром

от тарелки с завтраком, и довольно причмокнула. Она чувствовала себя готовой на все, разве что очень сонной. И лишь один факт неприятным мутным пятном маячил на горизонте ее мыслей, не давая покоя.

— Пап, — сказала она, взяла обеими руками кружку и, вместо того чтобы продолжить, забулькала молоком.

— Что такое? — Он присел рядом, передумав отнимать у сковороды свою порцию, вооружился вилкой и пырнул несчастное яйцо прямо в ярко-оранжевый глаз. — Волнуешься?

Пока он макал в растекшийся желток теплую лепешку, пока жевал, всем своим видом говоря: «Недурно», Асин ерзала на стуле и смотрела на колышущуюся молочную поверхность, по которой, стоило ударить пальцами по стенкам кружки, шла рябь. Грядущий полет казался ей совсем уж пустяковой проблемой, но почему даже во сне к ней пришел темноволосый парень без лица, с одной лишь гаденькой ухмылочкой?

— Почему иногда так сложно просто о чем-то сказать? — Она наклонилась влево, будто пыталась упасть на пол и вывалиться из этого нелепого утреннего разговора.

— Потому что ты неглупая девочка, Асин, — улыбнулся папа. — И каждый раз, собираясь о чем-то сказать, ты начинаешь думать, как воспримут твои слова. По глазам вижу. — Он ненадолго замолчал, а затем сделал выпад вилкой в ее сторону. — Вот! Ты опять.

Не удержавшись, она заулыбалась. И все-таки для собственного спокойствия спрятала глаза за отросшей челкой. Чтобы папа не увидел в них ничего лишнего.

— Знаешь, кто будет меня сопровождать? — Асин рассеянно посмотрела на тарелку, взяла в левую руку полукруг белого сыра и, осторожно отрезав ломоть, протянула папе.

— А ты уже знаешь? — спросил он, принимая кусок двумя пальцами — указательным и средним — и укладывая на лепешку.

— Да, пап. — Она нервно сглотнула. — *Он.*

— Он? — папа нахмурился, но почти сразу понял, о ком речь. Даже сейчас, когда Вальдекриза не было рядом, Асин казалось, будто она совершает что-то постыдное, принимая его помощь и разговаривая о нем вслух. Вроде бы он не делал ей ничего плохого и никогда не подводил. Вот только дразнил, но этим грешили все мальчишки независимо от возраста.

— Да-а уж, — задумчиво протянул папа.

При нем Асин старалась упоминать это имя как можно реже. Когда-то папа летал на одних с Вальдекризом кораблях. И вечно ворчал, что этот парень не слишком уважает старших и не следит за языком. Однако волновало его не это. «Не знаю, как сказать, — пытался объяснить папа, глядя в небо, будто оно могло знать точный ответ, — но рядом с ним неуютно. Всегда». Столкнувшись с Вальдекризом второй или третий раз, Асин поняла смысл его слов.

Папа сидел, постукивая пальцами по столу и поджимая губы, будто собирался сказать что-то неприятное. Асин прекрасно помнила: он и без того был не слишком рад, когда она выбрала небо, хоть и пытался всячески это скрыть, — может, она и отказалась от океана (но только для вида), но крылатая разведка явно казалась отцу не лучшим местом для девочек. Или не лучшим местом для Асин. Тихие вздохи выдавали его тревоги и нежелание отпустить дочь непонятно куда. Непонятно с кем.

— Это временно, птен, — наконец улыбнулся он и придвинул ближе щербатую тарелку с уже остывшими лепешками.

Посуда была расписана кривыми растениями самых разных цветов. Когда-то их нарисовала маленькая Асин. Она очень гордилась своей работой — и папа решил не убирать ее художества. Менялись тарелки, кружки, вазы, а уродливые растения, теперь уже сделанные папиной рукой, оставались. Выступающие, блестящие, они украшали кайму посуды и ютились на дне. Асин нравилось отламывать очередной кусок запеченного яйца и находить под ним цветок. Вот только сегодня это не очень радовало.

— Ты способная девочка, слышишь? — продолжил папа и пере-
гнулся через стол, чтобы убрать волосы с ее лица. — Ты выдержишь несколько полетов с ним.

— Но нас могут оставить парой и дальше, — грустно ответила Асин.

— Ты сможешь отказаться. Когда ты полностью пройдешь обучение и покажешь себя с лучшей стороны, у тебя появится право голоса. Сможешь смело отправить его... — Он подцепил вилкой ломоть так и не тронутого сыра и поднял повыше. Тот висел на зубцах точно один из парящих островов. — В океан. И даже глубже.

На самое дно.

Асин подняла голову. И поняла, что все-таки страшно проголодалась. Желудок скручивался в тугий узел и рычал недовольной собакой. Услышав это, папа усмехнулся. Он взял со стола тарелку с лепешками и поставил на все еще теплую печь.

— Тебя проводить? — Папа поворочил угли кочергой, подоброясил в черную, дышащую дымом пасть горсть сухих веток и при-
валился спиной к стене.

— Не надо. — Асин ответила так поспешно, что подавилась молоком и закашлялась.

Чем старше она становилась, тем сильнее желала показать все-
му миру, насколько она выросла. И делала это довольно глупо. Она не дурачилась, когда хотела, иногда выбирала скучную одежду, которую потом все равно не носила, не смотрела на сладкие ожерелья из орехов и ягод в сиропе, а порой и отказывалась от помощи, даже если отчаянно в ней нуждалась. Папа понимал. По крайней мере не смеялся. Но временами поддразнивал, например покупая себе какое-нибудь лакомство и демонстративно его смакуя, пока Асин не начинала упрашивать купить ей такое же.

К тому же она боялась, что папа разволнуется. И уж тогда она точно ошибется и натворит того, что заставит его волноваться еще сильнее. Или вовсе рухнет с высоты в воду. Ведь как можно думать

о небе, когда рядом не находит себе места самый близкий человек? Единственный близкий человек.

Она в очередной раз вспомнила о маме. И мысленно уколола себя невидимой булавкой за то, что почти не скучает по ней. Ведь сложно скучать по тому, кого почти не знаешь. Мама растворилась, будто ее и не было вовсе. Папины друзья — те, с которыми он летал на острова-братья за товарами, иногда беря с собой и Асин, — говорили, что искали маму. Пока не начали падать от усталости, пока не ооченели пальцы, пока кожа не сморщилась. Но не нашли даже кусочка кружева от ее платья.

Интересно, а как бы мама отреагировала на ее выбор? И на Вальдекриза? Но из осколков памяти и коротких папиных рассказов Асин не удавалось собрать ее. Понять — тем более.

— Я сама, пап. Сама, — тихо сказала она и поспешила перевести тему: — Представляешь, я полечу на «Аашенвер». Правда здорово?

— О-о-о, — он хохотнул. — Считается, что имя говорит за корабль. Но не в случае «Аашенвер». Эта старушка кричит так, будто готовится помереть каждый раз. Мы с ребятами посмеиваемся, что ее прозвали «Надеждой», потому что люди каждый раз искренне надеются хотя бы долететь до нужного места.

Однако судя по тому, что папа не бросился отговаривать ее от полета, все было не так плохо. Асин улыбнулась, с трудом проглотив кусок яйца, и натянула шаль на голову.

— Испугалась, птенчик? — улыбнулся папа. — Ты — моя дочь. А уж меня старушка «Аашенвер» не раз доставляла в целости.

— Ты постоянно говоришь о кораблях так, будто они живые.

— Так и есть, Асин. Так и есть.

На стол вновь с грохотом опустилась тарелка, подпрыгнули треугольные кусочки лепешки, а вместе с ними подскочила и Асин. Она думала про тяжелые паруса «Аашенвер», про те самые палки и веревки, названия которых сейчас из-за волнения не могла вспомнить. А за окном разливался свет. Он соскальзывал

с макушек деревьев, удлинял тени и разгонял туман. Времени оставалось все меньше.

И, несмотря на то что дома было тепло, Асин почувствовала, как внутри расплзается ледяная корка тревоги.

«Аашенвер» покачивалась в воздухе, постепенно оседая под весом груза и недовольно кряхтя.

Под тяжестью птицекрылого летательного аппарата, который в обиходе звали просто «ранец», Асин чуть было не завалилась набок. Ее успел подхватить Вальдекриз. Кажется, он выругался сквозь зубы и сказал, что этот полет может стать для нее последним.

Он затянул ремни вокруг ее талии, рук и бедер, а потом смеялся в спину, когда она, переваливаясь, поднималась по шаткому трапу. Асин вспомнился инструктор по безопасности из училища — с трудом говорящий, порой грубый, но удивительно заботливый мужчина, который тренировал ее правильно снимать и надевать ранец, стоять с ним, сидеть, приземляться на согнутые ноги — и даже хвалил за успехи. Сейчас он бы наверняка потешался над ее неуклюжестью так же, как Вальдекриз. А может, привычно положил бы ладонь на макушку и потрепал бы по волосам, утешая без слов.

Наконец они поднялись в небо, оставив позади Первый и его немногочисленных обитателей, в столь ранний час пришедших на площадь у причала, которую, как и другие места в белокаменном городе внутри города, называли рыночной.

«Аашенвер» была большой, но не настолько, как казалось снаружи. По корпусу тянулась длинная белая полоса, чуть ниже имени самого судна. Старушка шла ровно, пронзая горделиво поднятым носом прозрачный воздух, а белые паруса, полные ветра, иногда сливались с появившимися в небе взбитыми облаками.

От неудобной обуви ужасно болели ноги, холодный ветер упорно бил в левую щеку и забирался под рубашку. Вокруг снова ли люди, которые то и дело смотрели на «бедную девочку», сторбленную и напуганную, и жалели вслух. Возможно, они думали,

что говорят достаточно тихо. Но каждое их слово вворачивалось в уши Асин, проникало все глубже. Она даже обернулась, желая высказаться или хотя бы бросить укоризненный взгляд, но длинные пальцы с острыми ногтями тут же взяли ее за подбородок и развернули обратно, заставив смотреть туда, где пролетали мимо борта крошечные, покрытые невероятно длинной травой островки. С них, словно подвешенных в воздухе, время от времени осыпалась земля — и так они постепенно исчезали в насыщенном океане.

— Если бы я их слушал, давно бросил бы летать. — Вальдекриз схватился за гладкие деревянные кольца, лежавшие у него на груди, и слегка потянул. — Ханна, — его голос звучал непривычно мягко, а лицо не уродовала неприятная, будто вырезанная улыбка, — первый полет — это кошмар. Всегда. Если кто-то скажет тебе обратное, поверь, он врет.

Впервые за все время знакомства Асин мысленно поблагодарила его. За то, что говорит с ней, подбадривает, а не просто стоит рядом, ожидая, когда же в очередной раз облажается маленькая булка.

— А каким был твой первый полет? — решила поинтересоваться она.

И получила ожидаемый ответ:

— Идеальным. — После чего ее легонько толкнули плечом, но тут же придержали за один из ремней на талии, чтобы не упала. — Меня вышвырнули за борт. — Он указал двумя пальцами вперед и игриво дернул бровями.

Неважно, правдой это было или нет, но Асин улыбнулась. Она глубоко вдохнула солоноватый воздух, прикрыла глаза и постаралась вспомнить все, что могло понадобиться. Люди продолжали болтаться и болтать, «Аашенвер» — беспокойно покачиваться и скрипеть свою печальную песню. Но Асин слышала лишь крики птиц, таких же крылатых, как она. И перебаты волн, взбивающих воду в пушистую белую пену.

А затем Асин увидела его. У него, как и у всех подобных одиночек, не было имени, но про себя Асин прозвала его Тот-Самый-Остров.

Около пятидесяти метров в поперечнике, он напоминал зависшую в воздухе медузу — из-за длинных свисающих корней, которые покачивал ветер. Они стремились к воде, но не преодолели даже половину пути — так низко лежал океан. Почти всю поверхность острова покрывала густая ярко-зеленая трава, в которой проглядывали дикие полевые цветы, а кое-где росли, шумя мелкой листвой, деревья. Одно из них плодоносило чем-то зеленым. Но, как ни шурилась Асин, рассмотреть не получалось.

Маленькие выступы на боках острова, которые были похожи на ступеньки и находились в тени, облюбовал мох. Он был не таким ярким, зато пытался укутать собой все вокруг. Заползал на земляные стенки, свисал с выступов, топорщился, отчего напоминал недовольного зверька.

— У нас не будет времени на подготовку, — сказал Вальдекриз, склонившись ближе к ее уху. — Так что ставь ногу и слушай мою команду.

Упершись тяжелым ботинком в фальшборт, Асин подумала, что если сделает рывок, то наверняка свалится. А вот на палубу или в океан — это уже другой вопрос. Поэтому она предпочла смотреть на Вальдекриза, в его сузившиеся внимательные глаза, которые сейчас казались черными, и совсем немного — на Тот-Самый-Остров. Он перестал шелестеть зеленью и покачивать ветвями, будто застыл в ожидании гостей. Сердце Асин болезненно сжалось, и она схватилась пальцами за рубашку, смяла ткань и слегка оттянула ее. Но дышать легче не стало, а грудь сдавило — от внезапно опустившейся, словно стеклянный купол, тишины, в которой громом гремел голос Вальдекриза:

— Три. — Он наклонился вперед, согнул ногу в колене, приготовившись оттолкнуться и прыгнуть.

Асин обернулась, надеясь встретить поддержку в чужих глазах, но ее тут же грубо схватили за воротник и встряхнули. Еще

немного — и они окажутся над Тем-Самым-Островом и «Аашен-вер» накроет часть его своей длинной тенью.

— Два. — Вальдекриз забарабанил пальцами по деревянным кольцам.

Звуки вернулись. Ожил Тот-Самый-Остров, заговорили матросы, стараясь перекричать друг друга. Асин растерялась, завертела головой. И в этот самый момент прозвучало пугающее:

— Один.

Асин подалась вперед. Широкая ладонь легла между ее лопаток, подтолкнула — и она поняла, что падает. Падает. Не летит.

Она не чувствовала ветер, который могла оседлать, не парила белоснежным пером. Руки быстро зашарили на груди в поисках колец. Наконец Асин крепко схватилась за них, сжала дрожащими оледеневшими пальцами и рванула. Послышался хлопок — и ее отнесло назад и вбок. Лишь одно крыло распахнулось на всю длину, затрещал деревянный остов. Тканевая обтяжка сопротивлялась встречным потокам воздуха, но вскоре не выдержала. Асин схватилась за рычаги управления, опустила их. Крыло повернулось, но ветер стал трепать его только сильнее. Страху внутри было тесно. Он пытался вырваться за пределы дрожащего тела Асин, выгнуть спину, взречься, надрывая горло. Рычаги под ладонями нервно дергались, били по пальцам. Как ни пыталась, она не могла их удержать.

Когда Асин молча, без единой слезинки наконец приняла свою участь, ее ладонь схватила чужая — ледяная, знакомая. Оказавшийся рядом Вальдекриз потянул свободной рукой за ручку сбоку и наполовину сложил рваное крыло, а затем потащил Асин на себя.

— Хватайся! — прорычал он, положив ладонь ей на поясницу. — Всем, чем только можешь.

И Асин схватилась. Прижалась крепко, обняла под крыльями и вжала голову в плечи. Она понимала: ранец Вальдекриза не выдержит двоих. Он уже заскрипел каркасом, угрожая обратиться в тряпье и щепки, безвольно свисающие и волочащиеся по земле. Если только они долетят. Если только...

Но недружелюбная земля оказалась близко — куда ближе, чем думала Асин. Затрещали ветви крепких деревьев, их широкие зеленые шапки зашипели листвой. Скрученные корни выныривали прямо под ногами. Об один такой и споткнулся Вальдекриз, поначалу мягко спустившийся с небес. Асин вздрогнула, разжала руки и рухнула лопатками в сочную влажную траву. Гладкие деревянные балки хрустели, ломались, точно самые настоящие кости, врезались ошестиненными огрызками в спину, ткань расплзалась, больше ни на что не годная. Асин крепко зажмурилась. А спустя мгновение ее накрыл собой Вальдекриз. Он успел разве что выставить вперед ладони, чтобы не придавить ее своим весом.

Он лежал сверху, тяжело дыша. Волосы его шторами загорали лицо, оставляя лишь звериный оскал. Распахнутые крылья краями вонзились в землю. Они, еще недавно казавшиеся живыми, теперь были неподвижными, зато, в отличие от ранца Асин, целыми.

Оторвав руку от земли, Вальдекриз снял летные очки, поднял их на лоб и внимательно посмотрел на Асин. О своих очках она благополучно забыла — они болтались на шее и иногда позвякивали, ударяясь о круглые выпуклые пуговицы.

Растения с усеянной мелкими шипами листвой царапали голые замерзшие руки, дыхание Вальдекриза опаляло и без того раскрасневшиеся щеки, а от тяжелой конструкции за спиной болела поясница. Но Асин могла думать лишь об одном; эта мысль кружила вихрем, билась в голове, и этот стук отдавался в сердце.

Жива.

Она жива. Совершенно детская радость, поднимавшаяся из самого нутра, заставляла рот улыбаться, а глаза — наполняться слезами. Рука сама собой потянулась к шее Вальдекриза, чтобы осторожно обхватить ее.

— Ты был прав. Это кошмар, — засмеялась Асин и потерла другой ладонью лицо. — Я... я даже не знаю, как правильно...